

Бирский говор в «Марийском диалектном словаре» Эдена Беке (морфологический анализ)

Маргарита КУЗНЕЦОВА

Йошкар-Ола
margarita_kuznetsova@hotmail.com

Данная статья является продолжением серии исследований автора о диалектах и говорах в «Марийском диалектном словаре» Эдена Беке, опубликованных в различных изданиях и включённых впоследствии в учебное пособие «Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть первая. Эден Беке и Марийский диалектный словарь» (2-е изд., испр. и доп. – Йошкар-Ола, 2019). Бирский диалект, по Эдену Беке, включает говоры населённых пунктов Старый Оръебаш (В), Старояшево (ВJ), Красный Ключ (ВJр) Бирского уезда Уфимской губернии. Информантом из деревни Старый Оръебаш, по записям Эдена Беке, был Василий Андриянов. Имена двух других военнопленных в источниках не приводятся (Беке 1997: 13–15).

По классификации марийских диалектов, предложенной Габором Берецки, бирский и пермский диалекты образуют уфимский подговор вятско-уфимского говора восточного диалекта (Beregski 1994: 27). Марийское языкознание традиционно включает говор жителей марийской национальности Бирского района вместе с говором жителей Мишкинского района в мишкинский говор восточного наречия марийского языка. Один из ведущих марийских диалектологов Иван Иванов отмечает, что отдельных исследовательских работ по этому говору не имеется, но материал собран огромный. В первую очередь следует назвать имя финского учёного Хейкки Паасонена¹ (Иванов 1981: 59).

---

¹ *Tscheremissische Texte*. Gesammelt von Heikki Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 78. Helsinki, 1939; *Ost-Tscheremissisches Wörterbuch*. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XI. Helsinki, 1948.

Из общей характеристики мишкинского (бирского) говора следует, что в нём имеется 10 гласных фонем, 8 из которых характерны для литературной нормы марийского языка, дополнительными гласными являются /ä/ и /ÿ/. По мнению И. Иванова, последние две гласные проникли в говор под влиянием соседнего тюркского языка. Встречаются как лабиальная, так и палатальная гармонии гласных, лабиальная гармония является более последовательной. Палатальная гармония гласных характерна для татарских заимствований, например, *äyvät* 'хороший, красивый', *ÿmürnä* 'наша жизнь'. Из согласных встречаются палатальные /с'/ и /з'/, но не везде. В начале слова вместо традиционного /й/ выступает /д'/ (по данным материала словаря данный согласный зафиксирован только в говоре деревни Красный Ключ [ВЈр] – М. К.), вместо /в/ используется /б/. Из морфологических особенностей И. Иванов выделяет употребление суффиксов множественного числа *-влак* и *-лак*, из которых последний используется для придания именам существительным значения групповой множественности, например, *шорыклак* 'овцы', *ÿдÿрлак* 'девушки', см. также: *китлак* 'руки' или *шинчалак* 'глаза'. Последние примеры, как отмечает И. Иванов, представляют собой результат влияния татарского языка (Иванов 1981: 59–61).

В падежной системе характерным является широкое использование суффикса аблатива *-леч* и абессива на *-дегече*: *корнылеч* 'от дороги', *киндыдегече* 'без хлеба'. В глагольной системе наблюдается отсутствие деепричастия на *-шыла*, использование деепричастия на *-шын*: *пурушынак ала-мом мугыматаш тÿгале* 'уже после входа начал что-то бормотать'. Вместо традиционного деепричастного форманта *-меке* используется *-мÿггö*: *кочмÿггö* 'после того, как поел', *лекмÿггö* 'после того, как вышел'. Отмечается широкое использование деепричастия на *-дегече*: *лекдегече о лий* 'нельзя не выйти', *толдегече ит код* 'приходи, досл. не оставайся не придя'. Для лексического состава говора характерно наличие множества татарских заимствований, которые отсутствуют в других диалектах марийского языка (см. подробно: Иванов 1981: 61–62).

На основе проанализированного материала можно утверждать, что бирский говор в области морфологии показывает много сходных черт с говором деревни Сарсы или пермским (Р) говором. В обоих говорах самым употребительным показателем множественности однородных предметов является суффикс *-влак*. В бирском говоре для него характерна определительная функция, чем объясняется наличие множества примеров на несогласование между подлежащим с суффиксом *-влак* и использованием после него сказуемого в 3-ем лице ед. числа. Определи-

тельная функция показателя множественности объясняется влиянием соседних тюркских языков: *вольыкем-вылак тенейе виге эс'ен* 'мой скот [мн. число] в этом году весь здоровый' (2: 288); *шүргет, кит-йолет, могырет-в^млак лөчен* 'твое лицо, твои руки-ноги, твоё тело [мн. число] вспухли [ед. число]' (4: 1324); *б^рвез'е-в^млак үдүр ден модеш* 'парни [мн. число] с девушками [ед. число] играют [ед. число]' (2: 411); *вате б^рвез'ышт-в^млакым с'ойгä* 'женщина ругает своих детей' (6: 2230); *кум изак-шоляк-в^млак ли^имы годым...* 'когда есть три брата...' (7: 2441); *с'үйс'-влäк нурун коштым (чүкчү-гышым)* 'татары жуют (серу)' (9: 3206).

Суффикс множественного числа *-мыт* используется со словами, обозначающими родственные понятия. Отметим, что в пермском говоре примеров с данным показателем не имелось, но в бирском диалекте суффикс *-мыт* используется широко: *акатмыт ружам тўредыт* 'моя старшая сестра и все к ней относящиеся жнут рожь' (5: 1439); *коча-мытын мүйүшт шуко* 'у моего деда и тех, кто к нему относится, много мёда' (5: 1439). Групповую множественность неоднородных лиц может выражать и суффикс *-влак*: *минь акам-в^млак теке миём-ат, үжäm с'үйнлän* 'я прихожу к моей старшей сестре и её близким и приглашаю на свадьбу' (6: 2265).

Показатель множественности *-ла* выступает в примерах: *ты арня-лаште олаш миём* 'в эти недели пойду в город' (1: 67); *эртак коремла* 'всё овраги' (3: 887).

В отдельных случаях суффикс *-ла* соединяется с суффиксом *-ер*: *кожла йўла, вара пушеге кошка, тудым маньт пуэрла* 'лес горит, потом деревья высыхают, это называют пуэрла мелкий лесок, роща' (6: 1978), см. также: *ломберла* 'черёмуховая роща' (4: 1282).

Суффикс множественного числа *-лак* зарегистрирован в единичном примере: *эртак тишты пуэр шога (кук^хшы гожлак)* 'здесь только мелкий лесок стоит (сухие ели)' (6: 1978).

В диалекте широко представлены все 9 падежей, включённых в падежную систему современного марийского языка. Много примеров имеется с винительным, дательным, родительным и обстоятельством (латив) падежами. Меньше примеров зафиксировано с инессивом, иллативом, комитативом и компаративом (ср.: комитатив в пермском говоре представлен одним примером, а примеров с *-ла* не имеется). Всё же по степени распространённости в диалекте, как и в пермском говоре, первые места занимают аблатив на *-леч*, элатив на *-гыч*, абессив на *-те(гече)*. Относительно послелога *-гыч*, считаемого языковедами па-

дежным окончанием (см. Bereczki 2002: 40–42), следует сказать, что в примерах говора он везде подчиняется закону гармонии гласных. Кроме перечисленных падежей в материале говора имеются другие мало-используемые или реликтовые падежи: эссив (-н'ек), дистрибутив (-лен), терминатив (-шкен), темпоралис (-с'ек) и т. д. Древние уральские падежные форманты латива (-k; -an/-än), локатива (-nV), аблатива (-tV) хорошо сохранились в наречиях, образующих серийные ряды с вопросами куда? где? откуда? Отдельные примеры: *үлкө* 'вниз', *үлән* 'вниз', *үлнө* 'внизу', *үлүч(үн)* 'снизу' (9: 3309), см. также *үлāk*: *үлāk пыште товарым!* 'положи топор вниз!' (9: 3308); *үлкүлā*: *үлкүлā водем* 'спускаюсь вниз' (9: 3309); *үлереш*: *вүт тене үлереш водем* 'я спускаюсь по реке' (9: 3309); *теран шочынам, теран кушкынам, теран колем* 'я родился дома, вырос дома, умру дома' (8: 2725); *терычем кондем окс'ам* 'я приношу деньги из дома' (8: 2726); *терке* 'домой', *терне* 'дома' (8: 2727).

Отдельные примеры с падежными окончаниями:

– **Номинатив (Ø)**: *вуй, йол, могыр, туп коржеш* 'голова, нога, тело, спина ноет' (3: 896); *вольык-в^ллакем виге тўз пуруш пашыгыч* 'мои домашние животные [мн. число] все вернулись [ед. число] с поля целые, невредимые' (8: 3001); *күллө калык пашаш каен пытышт* 'всякие люди (досл. всякий, разный народ) [ед. число] ушли на работу [мн. число]' (4: 1116).

– **Генитив (-н/ын)** (почти во всех примерах наблюдается полная изафетная конструкция): *ора-вүй (пирын, пийын, с'ос'нән, имньын; он'д'жылно)* 'клык (у волка, собаки, свиньи, лошади; спереди)' (5: 1704); *черкын чәркәйтәште кайык шин'д'жа* 'на фронте церкви сидит птица' (9: 3048). В данном примере у слова *чәркәтә* 'фронтон, щипец' отсутствует притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа. Владелец *черке* 'церковь' стоит в генитиве. Подобные конструкции, по мнению Габора Берецки, являются финно-угорскими по своему происхождению (Кузнецова 2017: 71).

Отдельные примеры на изафетную конструкцию: *пи-генъын, пырыс'-игын шин'д'жаже почылтеш* 'у щенка, у котёнка открываются глаза' (6: 1947); *киндын акше* *күз'ә* 'цена хлеба поднимается' (4: 1151); *ава-гумдурум тұл'әт үдүрүн аважлан* 'ава-гумдур (дар жениха матери невесты) платят матери девушки' (1: 19).

– **Датив (-лан)**: *еялан* корным пуэм 'даю (уступаю) дорогу человеку' (3: 881); *имне акш(ы)лан* көнем 'я соглашаюсь с ценой, предлагаемой за лошадь' (3: 955); *вўлэндбём арем он'джыкылан* (он'джыко тўлэш) 'я беру землю в долг (досл. для будущего) (заплатить в будущем) (1: 63); *ачам кўштәй*: «*акат-в^блакым с'ўәнлән ўж!*» – манеш; *минь акам-в^блак теке миём-ат, ўжәм с'ўәнлән*: «*акай кур(у)с'кам дене коктын с'ўән-марий-ватанлан шочмо водылан мийз'а!*» – манам; *марийже дене ватыже коктын мият* 'мой отец мне приказывает: «Старшую сестру и её близких позови на свадьбу!» – говорит он. Я прихожу к старшей сестре и её близким и приглашаю на свадьбу: «Старшая сестра, с мужем (зятём) вдвоём приходите в понедельник вечером как приглашённые муж и жена на свадьбу» – говорю я; муж и жена вдвоём приходят' (6: 2265). В данном предложении формант *-лан* выполняет в словах временную и целевую функции.

Относительно употребления датива в диалекте следует подчеркнуть, что формант *-лан* используется чаще всего для выражения причины действия: *шокшылан* ал уке 'из-за жары нет силы' (1: 38); *омашым тўткәм йўр йўрмўлән* 'я завешиваю шалаш из-за того, что идёт дождь' (8: 2997); *вакш-с'ер таче тымык шин'д'жа мардеж укелан* 'мельничный пруд сегодня спокойный (досл. спокойно сидит) из-за отсутствия ветра' (8: 2744).

– **Аккузатив (-м)**: *вўдўм, лаврам шыжыктем* 'я брызжу воду, грязь' (7: 2373); *минь декем окс'ам йодын толнат* 'ты пришёл ко мне просить деньги' (2: 272).

Имеются многочисленные примеры с неоформленным винительным падежом, как, например: *имн'е налаш верештеш* 'придётся купить лошадь' (1: 131) или *вичам пёлем чома петраш* 'я перегораживаю хлев, чтобы запирать жеребёнка' (6: 1956).

– **Инессив (-штV)**: *нерге кожлаште мбләнде көргөштө шўтен пурен ила* 'барсук живёт в лесу в земле, вырыв себе нору' (5: 1559); *мылам юмо пуйрен элыште кошташ* 'мне богом суждено ходить по чужим странам' (6: 1992).

– **Иллатив (-шкV)**: *таче минь с'уртушко* язум с'ерен колтышым 'сегодня я отправил домой (досл. в дом) письмо' (2: 389); *кукишо кечын каем олашке* 'в субботу я пойду в город' (3: 715); *унаш тольым* 'я пришёл в гости', ср. в других диалектах: *унала тольым* [М], *унала каем* [УР] (9: 3252).

– **Латив (-еш/-и).** Использование данного падежного форманта связано в большинстве случаев с управлением глагола: *казакеш кодын* 'он остался вдовцом' (3: 680); *пӧртеши олташ монденам* 'я забыл затопить (печь) в доме' (5: 1462); *тинь неш языкан улат, вес' тӱн' д' жӱш тамыкеши йӱлет* 'ты очень грешный, ты сгоришь на том свете в аду' (8: 2661).

– **Комитатив (-ге).** *пураге, пӱрӱге йӱн пытарат* 'они выпивают и пиво, и медовуху' (6: 2012); *ватем колыш, моло уӱдӱрӱмӱш уке, пӧрӱеге с'омылге, уӱдӱрӱмӱш с'омылге шкан'ем иташ войз'о* 'моя жена умерла, других женщин нет, мне пришлось выполнять как мужскую, так и женскую работу' (6: 2043); *шорык тӱшкӱге йомын* 'овцы потерялись всей отарой' (8: 2996). Примеры говорят о том, что комитативный суффикс *-ге* может выполнять как совместную, так и соединительную (коннективную) функции, что связано с историей его развития (см. подробно: Кузнецова 2011: 121–127; Pusztay 2001: 93–96).

– **Компаратив (-ла).** В примерах падежный формант *-ла* выражает не столько сравнение, сколько то, как, каким образом человек совершает действие: *с'ӱӱс' упи вуйла кочкеш* 'татарин ест с шапкой на голове' (1: 215); *чара йолла коштеш* 'он ходит босиком (босыми ногами)' (2: 468); *пел китла вӱдӱм конда* 'он приносит воду одной рукой' (3: 805).

– **Абессив (картив) (-те[гече]).** Падежное окончание абессива полностью совпадает с окончанием отрицательного деепричастия. И с именами существительными, и с глагольными основами может выступать как краткая форма (*-те*), так и полная (*-тегече*), установить какую-то закономерность в их употреблении тяжело. В предложениях, в которых говорится о болезни человека, связанной с определённым органом тела, используется формант *-де*: *вуйте кия* 'у него болит голова (досл. лежит без головы)' (1: 214); *мӱшкӱрте кия* 'у него болит живот (досл. лежит без живота)' (5: 1535); *мӱшкӱрте почанеш* 'у него болит живот' (досл. валяется без живота) (6: 1950); *мӱшкӱрте пӧрдӱлеш* 'у него болит живот (досл. крутится без живота)' (6: 1958); *онде кия, шӱлӱлтӱн о герт* 'у него болит грудь (досл. лежит без груди), дышать не может' (5: 1688) и т. д.

Примеры с *-де(гече)*: *пӧртӱлӱм теркем окс'атак (окс'а налте)* 'я возвращаюсь домой без денег (не получив деньги)' (3: 891; 5: 1653); *мӱлӱндӱте ила* 'он живёт без земли' (5: 1431); *ырвез'е тувурте-йолаш-те куржеш* 'ребёнок бежит без одежды (досл.: без рубашки, без штанов)' (8: 2870); *кукиун'ек чайым йӱеш шӧртегече* 'он пьёт чай всухую

без молока' (4: 1011); *тужок нальым (окс'атегече)* 'я получил (что-то) так (без денег)' (8: 2876).

В бирском диалекте, как и в пермском говоре, наблюдается стяжение гласных *ea* → *a* во время употребления падежного форманта *-те* с усилительной частицей *-ак*: *окс'атак* 'без денег' (5: 1653); *пöрттäck* 'без дома' (6: 1962); *мокытак* 'без мха' (5: 1457); *шöн'д'жälтäck* 'без соли' (7: 2480); *тöрз'ätäck* 'без окна' (8: 2853); *ушитак* 'без шапки' (9: 3259); *үйтäck* 'без масла' (9: 3304).

– *Аблатив (-леч)*: *йолташем милечем йодеш* 'мой друг спрашивает у меня' (1: 89); *имне эртак шүльүм пукиумулан шүльүлеч кульумеш* 'из-за постоянного кормления овсом овёс приедаётся лошади (досл. лошадь от овса теряет аппетит, вкус)' (4: 1019); *үдүр марийлеч с'өрлэ* 'девушка отказывается от брака (досл. от мужчины отстраняется)' (7: 2486).

В диалекте формант *-леч* часто используется в сравнительных конструкциях: *чолпа-шүдүр ... мол шүдүрлеч вигелеч-ат волгыдын коеш* 'Венера ... светится намного ярче, чем все другие звёзды' (9: 3143); *вольык ос'с'ылеч катыкеме* 'по сравнению с прошлым скот сократился' (3: 673); *ора-вүй ... мол пүйлеч кужо, кошарге* 'клык ... по сравнению с другими зубами длинный, острый' (5: 1704).

– *Элатив (-гVч)*: *кожла көргөгöч лекташ аптраненам* 'я растерялся, как выйти из леса' (1: 58); *кум эргыгыч коктышым салдатлан пуэм* 'из трёх сыновей двоих я отдам в солдаты' (2: 283); *налын пуа пазаргычын* 'он покупает на базаре (досл. из базара)' (2: 285); *кидкыч кидыш окс'а коштеш* 'деньги ходят из рук в руки' (3: 801); *үггö мераным кучен шүйжүгүч* 'филин схватил зайца за шею' (9: 3316).

– *Темпоралис (-с'ек)*: *тошто котс'ек поян илена* 'с давних времён мы живём богато' (3: 918); *кунаме'ек ужун омыл?* 'с какого времени (как давно) ты не видел?' (4: 972); *у-ий марс'ек миен омыл кожлашке* 'я не ходил в лес с нового года' (5: 1412); *намыр поян ила (ошс'ек, ожно готс'ек)* 'давно богато живёт (с давних пор, с давнего времени)' (5: 1542); *тегет,с'ек кочкын омыл* 'я не ел со вчерашнего дня' (8: 2720); *имашс'ек ужун омыл* 'я не видел с прошлого года' (9: 3311).

– *Дистрибутив (-лен)*: *ружа вүдäш куралыт шижылен* 'для посева ржи пахут по осени' (1: 27); *пум терлен нальым (тер чот тене)* 'я купил дрова, сосчитав их санями (по количеству саней)' (8: 2724); *минь куралам поянлан кечылен* 'я паху для богача подённо' (3: 715); *паренгым путлен ужалем (кремгален ом ужале)* 'я продаю картофель по

пуду (по фунту не продаю)' (6: 2044); *минь лымыштым ойз'алан войз'ем шүдүлен, ойз'а пуа шүдүжлән колдырым* 'я сдираю кору молодой липы для хозяина по сто (штук), хозяин даёт за сто (штук) двадцать копеек' (7: 2587).

– **Терминатив (-шкен)**: *колио ея гане кия ик суткашкен, вара ушу-жо турмөггө оила* 'он лежит до суток как мёртвый, после того как приходит в себя, говорит' (8: 2951); *кушкен вучем?* 'до какого времени я жду?' (4: 976); *үмбәлём пога ик арняшкен* 'он собирает сметану до одной недели' (2: 444); *кум ийышкен вучаш шуко* 'до трёх лет ждать долго' (2: 308).

– **Эссив (-н'ек)**. Если в пермском говоре данный падежный формант используется в основном с именами числительными, в рассматриваемом бирском говоре выступает с именами существительными, прилагательными, числительными: *мыскынь, ^брвезын'ек* *колыш* 'бедный, умер молодым' (5: 1437); *из'ин'ек* *окаш тунемым* 'с детства (маленьким) научился читать' (2: 351); *олымым оран'ек* *ужалышым* 'я продал солому всей кучей' (5: 1706); *соганым түйшкән'ек* *луктун дол!* 'вырви лук кустом и принеси!' (8: 2996); *кок вүлем когын'ек(-ат)* *чомалыш* 'обе мои кобылы ожеребились' (3: 833); *пазарыште* *кум имне иле, кумун'ек(-ат)* *налым* 'на базаре было три лошади, все три я купил' (4: 1020); см. также: *кудунек* 'все шесть' (4: 1066), *лунек* 'все десять' (4: 1331), ср. окончание комитатива *-ге*: *луге* 'все десять': *луге каят* 'все десять уходят' (4: 1331). Функции суффиксов *-н'ек* и *-ге* в подобных примерах совпадают.

Функции данного падежного окончания в диалектах марийского языка разные. В северо-западном наречии оно выполняет совместную функцию, в пермском говоре больше комитативную, чем функцию временного или постоянного состояния, в бирском говоре, как показывают примеры, оно используется для выполнения обеих функций.

В глагольной системе бирского говора резких отличий от норм литературного варианта не имеется, представлены почти все случаи спряжения глагола во всех временах и во всех наклонениях, как в утвердительной, так и в отрицательной форме. По многим показателям говор демонстрирует сходные черты с пермским говором. По сравнению с последним, в бирском говоре зафиксировано больше примеров

1) на использование суффикса *-геч-* для образования условно-сослагательного наклонения. Примеры говорят о том, что гласный звук суф-

фикса уподобляется иногда гласным корня глагола. Варьирование *-геч-* ~ *-гыч-* объяснить трудно. В отдельных случаях конструкция дополняется вспомогательным глаголом *иле, ыле* 'было': *пурам адак йүгүчет!* 'если бы ты выпил ещё пива!' (2: 580); *кочкычет* 'если бы ты поел' (3: 931); *кочкече* 'если бы он поел' (3: 931); *толгечышт ыле* 'если бы они пришли' (8: 2785); *тынъым ужгечем* 'если бы я тебя увидел' (9: 3290); *үдүрүм тенейе налгычет иле* 'если бы ты нынче женился' (5: 1537); *пазарите кемым налгечет иле* 'если бы ты купил на базаре сапоги' (5: 1537); *тинь минь декем эрла толгычет иле (эрла тол иле)* 'если бы ты завтра пришёл ко мне (пришёл бы завтра)' (8: 2785); ср.: *пазарите кемым налз'а иле, шерге гын-ат (налаш күлеш иле)* 'купили бы вы сапоги на базаре, если даже дорогие (надо было бы купить)' (5: 1537). В данном предложении для выражения намерения, воли, даже требования говорящего используются условный союз *гын* 'если' и вспомогательный глагол *иле* 'было'; см. также глагол *иле* 'было' для выражения не-реального условного действия в предложении: *ачат тинъым таче кырем иле* 'отхлестал бы отец тебя сегодня' (3: 745).

2) Употребление краткой формы отрицательного глагола 3 лица единственного числа настоящего времени *о*: *руштеш, ны-мам о шин'д'же* 'пьянеет, ничего не соображает' (2: 261); *шудумо уржам олымжо о чыте шокшылан* 'неспелую рожь стебель (досл. солома) не удерживает из-за жары' (4: 1198) (аналогично в пермском говоре).

3) Наличие страдательного причастия на *-маш* (в терминологии Г. Берецки – причастие прошедшего времени [Bereczki 2002: 252]) (примеров мало): *толмаш верем тинь денет гына* 'место моего прихода только у тебя' (8: 2786); *мыйын тышке толмаш вер* 'для меня место прихода сюда' (8: 2786); *вор клат-көргөм толен гаен; тылат шижмаши, йүт вошт пий оптыш (шижын огыл, умален кодын)* 'вор обчистил клеть; ты должен был почувствовать, всю ночь лаяла собака (он не почувствовал, проспал)' (7: 2399–2400).

4) Использование отрицательного причастия на *-дымаш/-дѳймаш* наряду с отрицательными причастиями на *-дымо/-дымѳ/-дыме*: *лымыштым ... кошташ пыштат кече вотьтымаши верышке* 'молодую липу складывают для сушки на место, куда не падают лучи солнца' (3: 617); *таче пошкыдем дек мийтымылан лач арня* 'сегодня ровно неделя, как я не заходил к своему соседу' (4: 1194) (аналогично в пермском говоре).

5) Повсеместное употребление деепричастного суффикса *-мѳгѳ* вместо *-меке* литературной нормы: *олма велеш олма-пугуть(ч) (күймѳгѳ)* 'яблоки падают с яблони (после того, как созреют)' (1: 120); *кеч шич-*

мӧӳгӧ водо лиеш 'после того как солнце сядет, наступит вечер' (1: 161); *вара шуко киймӧӳгӧ ушужо пура* 'после долгого лежания он приходит в сознание' (5: 1523); *шӧрӧм шолтат подеш, шолын шумӧӳгӧ пу ведраш волтат* 'молоко кипятят в котле, после того как закипает, сливают (досл. спускают) в деревянное ведро' (8: 2816) (аналогично в пермском говоре).

б) Широкое использование суффикса *-тымашын* как в бирском, так и в пермском говорах для образования отрицательного деепричастия. На основе многочисленных примеров из пермского диалекта нами было высказано предположение, что его можно рассматривать как суффикс, образующий деепричастия причины и цели от отрицательного причастия *-тымаш* + падежное окончание инструктива *-н* (см. подробно: Кузнецова 2019: 116–117): *орвам лепаш(ке) шындем нӧртӧмӧшӧн* 'я ставлю телегу в сарай (под навес), чтобы не промокла' (5: 1596); *имньым амбареш тӱкӱлем вор шольшитымашын* 'я запираю лошадь в амбаре, чтобы воры её не украли' (7: 2434); *тувурум тамгамдем йомдымашын* 'я ставлю клеймо на рубашку, чтобы она не затерялась' (8: 2660).

Морфологический анализ бирского диалекта словаря свидетельствует о том, что говор в области морфологии во многом совпадает с говором деревни Сарсы или пермским (Р) говором (Кузнецова 2019: 109–118). Кроме 9 падежей, включённых в теоретическую грамматику марийского языка, в обоих диалектах широко распространены аблатив на *-леч*, элатив на *-гыч*, абессив на *-те(гече)*. Встречаются в примерах и реликтовые падежи, как дистрибутив на *-лен*, терминатив на *-шкен*, эссив на *-нек*, темпоралис на *-сек* и другие. Из суффиксов множественного числа имён существительных самым употребительным является суффикс *-лак*, редко встречается суффикс *-ла*. В бирском говоре по сравнению с пермским встречаются показатели множественности *-мыт* и *-лак*. Можно утверждать, что в обоих говорах имеется условно-сослагательное наклонение с суффиксом *-геч-*, распространенное в горном и северо-западном наречиях. Для бирского и пермского диалектов характерны специфические причастия и деепричастия, которые отсутствуют в говорах западного ареала марийского языка.

Литература и источники

- Иванов, И. Г. 1981: Марий диалектологий. Университеттесе студент-влаклан ту-немме книга. Йошкар-Ола.
- Кузнецова, М. Н. 2011: К вопросу о совместном падеже в марийском языке. In: Современные проблемы финно-угорских языков и финно-угроведения. Материалы Всероссийской научной конференции. (Йошкар-Ола, 16 сентября 2010 г.) Йошкар-Ола. 121–127.
- Кузнецова, М. Н. 2017: Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть вторая. Габор Берецки и ареальные контакты языков Волго-Камского региона. Йошкар-Ола.
- Кузнецова, М. Н. 2019: Венгерские финно-угроведы и вопросы марийского языкознания. Часть первая. Эден Беке и Марийский диалектный словарь (2-е изд., испр. и доп.). Йошкар-Ола.
- Beke Ödön 1997–2001: Mari nyelvjárásí szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und †József Erdódi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von János Pusztay. Bibliotheca Ceremissica IV/1–9. Szombathely.
- Bereczki Gábor 1994: Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Studia Uralo-Altaica 35. Szeged.
- Bereczki Gábor 2002: A cseremisiz nyelv történeti alakтана. Studies in linguistics of the Volga-Region. University of Debrecen. Supplementum I. Debrecen.
- Pusztay János 2001: Der tscheremissische Komitativ und was dahinter verborgen sein kann. In: Pusztay, János (Red.), Zur (Morpho-)Syntax der uralischen Sprachen. Specimina Sibirica XVI. Szombathely. 93–96.

**Der Birsker Dialekt im *Tscheremissischen Dialektwörterbuch*
von Ödön Beke (morphologische Analyse)**

Im Artikel werden die morphologischen Besonderheiten des Birsker Dialekts behandelt. Nach Ödön Beke gehören zu diesem Dialekt die Mundarten von Dörfern Staryj Orjebasch (B), Starojaschevo (BJ), Krasnyj Ključ (BJP) (Kreis Birsk, Gouvernement Ufa). In der heutigen tscheremissischen Sprachwissenschaft bilden diese Lokaldialekte mit den Untermundarten der anderen Dörfer des Mischkinoer und des Birsker Gebietes die sogenannte Mischkinoer Mundart des Ost-Dialekts.

Aufgrund des reichen Dialektmaterials betrachtet die Autorin zuerst Pluralsuffixe und Kasusendungen. Aus den Pluralzeichen verwendet man Suffixe *-wlak*, *-mät*, *-la*. Selten kommt das Pluralsuffix *-lak* vor. Es wird die breite Verwendung solcher Kasusendungen wie *-leč* (Ablativ), *-γäč* (Elativ), *-te(γeče)* (Abessiv/Karitiv) unterstrichen. Aus den relikten Kasussuffixen werden oft *-sek* (Temporalis), *-len* (Distributiv), *-šken* (Terminativ), *-nek* (Essiv) gebraucht.

Im Verbparadigma sind auch einige Unterschiede zu den Literaturnormen des Tscheremissischen zu beobachten. Es werden solche Erscheinungen hervorgehoben wie 1) Gebrauch der kurzen Form des Negationsverbs *o* statt *ok* in der 3. P. Sg.; 2) Verwendung des Suffixes *-γeč/-γäč-* für die Bildung des Konditionals, welches für das Berg- und Nordwesttscheremissische eigen ist; 3) Vorhandensein des verneinten Partizips *-dāmaš* statt *-dāme/-dāmo* und des passiven Partizips *-maš*; 4) Gebrauch des verneinten Gerundiums *-tāmašān* und des Gerundiums der vorzeitigen Handlung *-mōngō* statt *-meke*.

Die morphologischen Merkmale des Birsker Dialekts sind im grössten Teil gleich den des Permer Dialekts (das Dorf Sarsy, Kreis Krasnoufimsk, Gouvernement Perm).

*Schlüsselwörter: Marisch/Tscheremissisch, Birsker Dialekt, Morphologie,
Ödön Beke.*

MARGARITA KUZNETSOVA